

М.Н. Климова

Томский государственный университет

**Между Кудеяром и Власом
(к вопросу о финале поэмы А.А. Блока «Двенадцать»)**

Истолкования загадочного финала «Двенадцати» по праву занимают видное место в обширной библиографии исследований поэмы [Христианство, 2002, с. 554-564; Смола, 1990, с. 79-90; Блок, 1999, с. 321-342]. Внезапное появление фигуры Иисуса Христа, идущего «в белом венчике из роз» впереди красногвардейского патруля, удивило, как известно, и самого автора, а его последующие размышления об этом образе загадочность только усилили. Хотя голоса «справа» и «слева» называли финал чужеродным, немотивированным или попросту неудачным, именно ему в значительной мере «октябрьская поэма» А.А. Блока обязана своей всемирной известностью (уже при жизни поэта она была переведена на восемь европейских языков, а также в США [Блок, 1999, с. 301-302]). Очевидной с течением времени стала и неразрывная связь «странного» финала с основным текстом «Двенадцати». Финал придает локальным событиям поэмы глубину и историческую перспективу, в результате чего бытовая драма, разыгравшаяся на улицах революционного Петрограда и рассказанная языком доселе «безъязыкой улицы», обретает «масштаб вечности», превращаясь в мистирию.

Последние десятилетия, время пересмотра отношения к революции и религии, интерес к проблеме только усилили. Специальная конференция на эту тему, организованная журналом «Знамя» несколько лет назад [Финал, 2000, с. 190-206], показала, что вопрос не только не приобрел «хрестоматийный глянец», но и весьма далек от разрешения.

За восемь с лишним десятилетий существования проблемы на загадки финала был предложен целый спектр разнообразных ответов. Кто Он, идущий «нежной поступью надвьюжной» впереди мятежного патруля, – действительно Христос или его антипод Антихрист? И если Христос, то какой – евангельский, Христос Э. Ренана, «сжигающий Христос» староверов, или какой-то еще? В чем назначение и смысл его фигуры – освящает ли он своим предводительством «державный шаг» «двенадцати» (мнение, распространенное в советской науке), умиряет ли бесовщину революционной стихии [Магомедова, 1990, с. 39-49] или, напротив, как показалось некогда М.А. Волошину, уходит от преследования стреляющих в него красногвардейцев [Волошин, 1990, с. 591-503]? Что перед нами – кощунственное приспособление сакральной символики к злобе дня¹, крайнее выражение блоковского демонизма [О Блоке, 1990, с. 93-103], или благодное завершение религиозно-мистических исканий А.А. Блока – «добраго христианина» [Розенблюм, 1994, с. 118-152]? Здесь называются лишь самые крайние суждения.

Наши размышления на эту тему, не претендуют, разумеется, на место окончательного решения, да оно едва ли и возможно. Это лишь одна из попыток по-

---

¹ Следует сразу же подчеркнуть, что в приспособленчестве и неискренности А.А. Блока не обвиняли даже самые рьяные противники новой власти. «Душа твоя невинна», – утверждала З.Н. Гиппиус в стихотворении, основным содержанием которого было объявление о разрыве всяких отношений с поэтом.

гружения в «тайны творчества», которая для такого «интуитивного» автора как А.А. Блок, никогда не сможет выйти за границы предположения. Наше обращение к этой теме вызвано навязчивым ощущением, что многие справедливые и глубокие наблюдения предшественников складываются в единую картину, никем до сих пор не отмеченную. Попытаемся обозначить ее контуры.

Как давно установили исследователи, упоминания о работе А.А. Блока над поэмой сосредоточены в его записных книжках во временном отрезке между 8 января и 18 февраля 1918 г. И хотя характер первой записи: «Весь день – *Двенадцать*...» [Блок, 1982, с. 233] не позволяет определить, на какой стадии в этот момент находилась работа, сопутствующие этой записи материалы из дневника и записных книжек не оставляют сомнения в том, что рождение поэмы происходит почти на наших глазах. Банальное уподобление души поэта струне или камертону, чутко отзывающемуся на колебания в окружающей среде, теряет в записях А.А. Блока свою метафоричность, превращаясь в почти медицинское описание родовых мук творчества [Блок, 1982, с. 229-239].

Первым приближением к теме «Двенадцати» и к ее «неожиданному» финалу становится, на наш взгляд, план-набросок пьесы о Христе, внесенный в дневник накануне первого упоминания о поэме [Блок, 1982, с. 232-233]. Этот замысел А.А. Блока принято связывать с влиянием книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса», хотя о знаменитой книге набросок напоминает лишь общим принципом «приземления» евангельских персонажей, да и сама она, кажется, еще не прочитана (в план вклинивается фраза «Читать Ренана»). О Христе французского писателя было некогда сказано, что это не Сын Божий, а «просто очень хороший человек». Герой наброска А.А. Блока – «грешный Иисус», но, прежде всего, это наделенный «женственной восприимчивостью» «художник», который «все получает от народа». Выразителями народного мнения в наброске объявляются апостолы, силуэты которых резко осовременены («У Иуды – лоб, нос и перья бороды – как у Троцкого» и пр.) и нарочито снижены. Характеристики апостолов подчас граничат с кощунством: «дурак Симон», «жулик» Иуда и др. Перед нами злободневное переосмысление евангельских событий («Нагорная проповедь – митинг»), подчеркнута полемичное канонической трактовке.

Л.К. Долгополов давно заметил, что первые упоминания о работе над поэмой соседствуют в записной книжке с сообщениями об убийстве матросами в больнице двух министров Временного правительства (А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина), а позднее – с записью: «Сов. Нар. Комиссаров порицает самосуды». Осторожно оговорив «преувеличенное значение», которое придавал этому убийству поэт, исследователь предположил, что самосуд в реальной жизни послужил толчком к созданию центрального эпизода поэмы [Долгополов, 1964, с. 16]. Не противоречит это предположение и рассказу самого поэта, сохраненному К.И. Чуковским, о том, что работа над «Двенадцатью» началась со строк «Уж я ножичком // Полосну, полосну...» [Чуковский, 1990, с. 613].

Впрочем, первый текстолог блоковской поэмы П.Н. Медведев, всесторонне исследовавший ее черновой автограф, утверждал, что «Двенадцать» начинались с еще более крамольного фрагмента: «Товарищ, винтовку держи, // Не трусь // Сразим мы пулей // Святую Русь» [Медведев, 1926, с. 244]. Доказательства текстолога не бесспорны, но его мнение следует учесть.

Сам фрагмент, ставший в окончательном варианте строками «Товарищ, винтовку держи, не трусь! // Пальнем-ка пулей в Святую Русь...» относится, как и «загадочный» финал, к самым эпатажным местам поэмы. Убедительный историко-литературный комментарий фрагмента был сделан В.М. Жирмунским [Жирмунский, 2001, с. 303-307]. Его статья «Поэзия Александра Блока» написана в год смерти поэта, но и по сей день остается одним из самых глубоких исследований его творчества. Ученый видел в поэме «завершение самых существенных элемен-

тов творчества Блока» и утверждал (вопреки господствовавшему мнению), что основная проблема «Двенадцати» – «не политическая, а религиозно-нравственная». Эта проблема напомнила исследователю очерк Ф.М. Достоевского «Влас» из «Дневника писателя», написанный почти за полвека до поэмы. В очерке рассказывается о том, как один молодой крестьянин из пустого бахвальства («Кто кого дерзостнее сделает?») и подстрекаемый другим, «деревенским Мефистофелем», хотел выстрелить в причастие, но в минуту совершения кощунства ему явился «крест, а на нем Распятый». Наваждение кончилось, молодой святотатец «потребовал страдания».

Полулегендарный рассказ «из народного быта» служит для Ф.М. Достоевского отправным моментом в его рассуждениях о парадоксальности национального характера, безудержного в добре и зле и втайне жаждущего «страдания». К некоторым моментам этого очерка мы вернемся в дальнейшем, а в данный момент нас интересует вопрос о правомерности его использования В.М. Жирмунским при анализе поэмы «Двенадцать».

Действительно, романы и публицистику Ф.М. Достоевского как одного из пророков «русской идеи», в годы революции читали многие. О том, что в глазах современников с его идеями и образами могла связываться и поэма А.А. Блока, говорит, например, раздраженный отзыв Ф.К. Сологуба. В своем неприятии «Двенадцати» он обвинял поэта в незнании России и русского народа, а также в том, что «весь свой национализм он просто построил по Достоевскому» [Смола, 1990, с. 171]. О присутствии «Власа» в творческом сознании А.А. Блока говорит, как нам кажется, подробно занесенный в дневник поэта конспект его встречи с С.А. Есениным 3 января 1918 г. [Блок, 1982, с. 229-230]. На наш взгляд, он может дать некоторую подсказку к разгадке финала. Этот разговор с молодым крестьянским поэтом был для А.А. Блока не только возможностью услышать суждение «простого человека» на злобу дня. С.А. Есенин казался поэту-романтику живым воплощением союза «художника» и «народа» – ср. его трактовку Христа. Поэтому так важны были для него ответы его собрата на острейшие вопросы современности – отношение народа к революции, религии и интеллигенции. Особую ценность имело в его глазах и старообрядческое происхождение С.А. Есенина, поскольку «старая вера» как одно из выражений духовных потенций народа издавна А.А. Блока интересовала.

В конспекте разговора с С.А. Есениным есть загадочная фраза: «Я выплевываю Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, смирения, самораспятия)». Комментаторы справедливо видят здесь отклик на чтение С.А. Есениным его поэмы «Инония», где среди множества кощунственных заявлений есть и такое: «Тело, Христово тело // Выплываю изо рта». Неизвестно, знал ли С.А. Есенин очерк Ф.М. Достоевского, но А.А. Блок его помнил и, вероятно, спросил своего собрата о смысле его поэтического кощунства. И хотя страдание и смирение «по Достоевскому» крестьянский поэт отрицал, сам разговор явно запомнился А.А. Блоку.

Очерк Ф.М. Достоевского и его призыв «слиться с народной правдой» стал в свое время причиной полемики о содержании этой «правды», о сущности национального характера и его исторических перспективах [Климова, 1999]. Аргументами в этой полемике нередко служили творения народного духа, запечатленные в памятниках фольклора. Одним из художественных откликов явилась и знаменитая легенда «О двух великих грешниках» Н.А. Некрасова – вероятно, самая известная литературная обработка легендарно-апокрифического сюжета АТ № 756 С (кающийся великий грешник получает прощение за убийство еще большего грешника). В восточнославянском фольклоре этот загадочный сюжет получил социально-заостренную трактовку – величайшим грешником здесь объявлялся народный угнетатель. Кстати, героем легенды иногда становился и охот-

ник, выстреливший в причастие, хотя исследователю сюжета Н.П. Андрееву [Andrejev, 1924; Андреев, 1928] восточнославянские тексты такого рода были неизвестны. Следует сравнить, однако, эту версию сюжета АТ № 756 С с легендарным рассказом в очерке Ф.М. Достоевского. (См. также: [Отливанчик, 2005, с. 345-350]).

Некрасовская обработка легенды, успешно преодолевшая цензурные препоны, получила широкую популярность у либерально настроенной молодежи, увидевшей в ней оправдание революционного террора как бы из народных уст. Ее герой, разбойник Кудеяр, убивший в гневе жестокого пана Глуховского, с помощью небольшой логической подмены (ведь «бешеный гнев» отшельника может объясняться по-разному) традиционно причислялся к «народным заступникам». С легкой руки их создателей, «Влас» и «Кудеяр» превратились в символические фигуры, олицетворения смирения и бунта – двух нравственных полюсов русской души. Любопытно, что черновики поэмы «Двенадцать» содержат память и о некрасовской легенде. «Было двенадцать разбойников», – написано на полях. Судя по черновикам, в творческом сознании А.А. Блока коллективный герой «Двенадцати» связывался не только и не столько со спутниками Христа («апостольские» имена героев поэмы появились не сразу, так, Петруха в черновиках звался Васькой), но и с разбойниками, евангельскими и некрасовскими. Уже в самом замысле облик «двенадцати» странно двоится и даже троится – перед нами то красногвардейский отряд, но без положенного уставом командира, то шайка разбойников, но без атамана, то апостолы новой веры, но без Учителя.

Ф.М. Достоевский первым применил древнюю сюжетную схему «Покаяние великого грешника» в качестве своеобразного ключа к русскому национальному характеру. С течением времени эта схема, получившая статус «народной правды», стала восприниматься национальным самосознанием в качестве некоей нравственной парадигмы. Среди писателей, принявших эту парадигму не только умом, но и сердцем, был, несомненно, А.А. Блок¹. Такое понимание исторической судьбы народа отвечало максимализму и катастрофичности его романтического мироощущения, вызывая желание разделить тяготы предначертанного России пути – пути евангельского разбойника, пришедшего к спасению через преступления, кровь и муки.

Рассказанный Ф.М. Достоевским случай крестьянского святотатства казался ему новым явлением в духовной жизни народа. Возможность спасения подобного грешника писатель не обсуждает, ему достаточно уже одного раскаяния в душе преступника. Любопытно отметить, что «Власов» в его рассказе двое: не только кающийся святотатец, но и его соблазнитель, судьба которого волнует Ф.М. Достоевского уже своей непроясненностью. Такой же неясной осталась и судьба упомянутых А.А. Блоком двенадцати некрасовских разбойников, шайку которых распустил их ушедший на покаяние атаман Кудеяр. В последующей литературной традиции действие Божьего милосердия распространилось, как известно, не только на смиренного «Власа», но и на гневного «Кудеяра». «Случай Кудеяра» нашел живой отклик в душе А.А. Блока, глубоко убежденного в справедливости даже самых крайних проявлениях «святой злобы» восставшего народа. В этом убеждении он был последователен: известно, что в дни работы над поэмой он принципиально отказался «стеречь сон буржуев», то есть участвовать в ночных дежурствах самообороны [Блок, 1982, с. 233].

---

¹ Показательно, что в детских воспоминаниях поэта, сохранных его автобиографией, любимцами либерально настроенного деда рассказчика и «очень симпатичными» для него самого оказываются далеко не лучшие представители «народа-богоносца», а «отъявленные мошенники и плуты», в том числе разбойник Федор Куранов, вероятный убийца, нашедший смерть в кулачном бою [Блок, 1982, с. 67-68.].

Всем памятно недоумение поэта, увидевшего в сумятице метели «женственный призрак» Спасителя. Однако этот образ возникал в сознании А.А. Блока с начала 1918 года неоднократно (разговор с С.А. Есениным, набросок пьесы). Незримое присутствие Бога-Сына ощутимо и в тексте поэмы с самых первых ее набросков, будь то описание «святой злобы» или кощунственный призыв к пальбе «в Святую Русь». Попытка такого кощунства традиционно завершалась видением Христа, что, кстати, и происходит в финале поэмы¹. Мучимый угрызениями совести и напуганный «бесовской» метелью Петруха поминает «Спаса» (А.А. Блок знал народные поверья о снеговых столбах как прибежище нечистой силы). Хотя «несознательность» «бедного убийцы» тут же подавлена его товарищами, не верящими в возможность религиозного спасения, его призыв услышан. Стеля в мелькающую впереди фигуру «товарища»² с красным флагом, «двенадцать», сами того не зная, осуществляют давно задуманное кощунство. Но вопреки «злобному смеху» бесовской вьюги, невредимый для пуль и невидимый в метели, «Спас» не покидает их. Неслучайно в последней строфе поэмы с ее торжественным ритмом шествия («так идут...») дважды повторяется слово «впереди». Христос парадоксально становится незримым предводителем «двенадцати», ведь мятежный отряд изначально лишен положенного по уставу командира – так называемые патрульные «десятки» обычно состояли из тринадцати участников [Стратановский, 1991, с. 150]. Что же это за Христос? Как нам кажется, явно не Христос канонического православия (А.А. Блок неоднократно утверждал, что официальная церковь искажала его первоначальное учение) и едва ли Христос Э. Ренана, но Христос, пришедший спасти и Кудеяра, и Власа, «Спас» теплой народной веры, какой она представлялась поэту. На «простонародное происхождение» образа указывают и его давно подмеченные исследователями особенности. Старообрядческий вариант написания его имени («Исус») – о нем первым сказал немецкий ученый Р.-Д. Клуге [Клуге, 1990, с. 40-48]. «Белый венчик» бумажных роз, украшавший, как заметил Д.С. Лихачев, чело Христа в деревенских церквах [Лихачев, 1989, с. 187-188]. Наконец, даже святочная символика финального шествия, о которой писали Ю.М. Лотман и Б.М. Гаспаров [Лотман, Гаспаров, 2001, с. 724], ведь святочные действия – неотъемлемая часть годового цикла в народном православии.

Другое дело, что сам поэт в эти дни радостно предсказывал «крушение гуманизма» и отказ от прежней морали, отсюда его неудовлетворенность «устарелым» образом и желание, чтобы на месте Христа был «кто-то Другой». В этих пугающих мечтах А.А. Блок был, к сожалению, не, одинок – назовем вышедшие уже после его смерти «октябрьские поэмы» В.В. Хлебникова, отталкивающие современного читателя своей кровожадностью, или уже упоминавшуюся богохульную «Инонию», завершающуюся «благой вестью» «нового Спаса»: «Наша вера – в силе, // Наша правда – в нас». А.А. Блок, как известно, так и не смог воплотить в поэзии эти мечты, творческой немотой заплатив за свое опасное, хотя и искреннее заблуждение. Кстати, сам он на интуитивном уровне предчувствовал грозящую ему метаморфозу. Неслучайно, как писал он в статье «Катилина», странно созвучными современности казались ему взвихренные галлиямбы катулловой поэмы «Аттис», герой которой в экстатическом порыве оскоплял себя, принеся страшную, но, по сути, бессмысленную жертву свирепой хтонической богине. Другой

¹ Могут возразить, что в поэме Христа видит сам автор, а вовсе не его грешные герои. Но Его видят и они, хотя и не узнают, подобно тому, как в Евангелии воскресшего Христа сначала не узнают его ближайшие сподвижники – Мария Магдалина и апостолы.

² Такое обращение к Христу, вызывающее, на первый взгляд, несколько комический эффект, едва ли придумано самим А.А. Блоком. В ранней «революционной» поэме С.А. Есенина «Товарищ» (март 1917 г.) «младенец Исус» действительно становится товарищем рабочего паренька Мартина, принимает участие в демонстрации, гибнет во время ее расстрела и похоронен вместе с другими жертвами февральских событий на Марсовом поле.

русский поэт, пожелавший, подобно А.А. Блоку, разделить с Россией «путь разбойника», М.А. Волошин, избежал этой духовной заразы, лишь пытаясь следовать принципам «абстрактного гуманизма», отвергнутым многими в разгаре братоубийственной бойни. Неистребимость человечности в душе самого автора «Двенадцати» (в парадоксальном обличии «народной правды») доказывает, на наш взгляд, «странный», но такой неизбежный финал его вершинного творения.

Литература

- Андреев Н.П. Легенда о двух великих грешниках // Изв. Ленингр. пед. ин-та. 1928. Вып. 1.
- Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 тт. М., 1999. Т. 5.
- Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 тт. Л., 1982. Т. 5.
- Волошин М.А. Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. М., 1990.
- Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. М.; Л., 1964.
- Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. СПб, 2001.
- Климова М.Н. Влас, Кудеяр и другие (по поводу «спора о великом грешнике» в русской литературе) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999.
- Клуге Р.-Д. Образ Христа в поэме Блока «Двенадцать» // Общественная мысль: Исследования и публикации. М., 1990. Вып. 2.
- Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек. Л., 1989.
- Лотман Ю.М., Гаспаров Б.М. Игровые мотивы в поэме « Двенадцать» // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб, 2001.
- Магомедова Д.М. Блок и Волошин (Две интерпретации мифа о бесовстве) // Блоковский сборник. Тарту, 1990. Т. 11.
- Медведев П. Из истории создания произведений А. Блока // Звезда. 1926. № 1.
- О Блоке // Литературная учеба. М., 1990. Кн. 6. (Статья приписывается П.А. Флоренскому или Ф.К. Андрееву).
- Отливанчик А.В. Стрелец Семко и Влас Ф.М. Достоевского: к постановке вопроса о белорусском фольклорном источнике одноименного очерка // Достоевский: Дополнение к комментарию. М., 2005.
- Розенблом П.М. «Так диктует вдохновенье...»: Явление Христа в поэме Блока «Двенадцать» // Вопросы литературы. 1994. Вып. 6.
- Смола О.П. «Черный вечер, белый снег...» Творческая история и судьба поэмы Александра Блока «Двенадцать». М., 1993.
- Стратановский С. Поэт и революция: Опыт современного прочтения поэмы А. Блока «Двенадцать» // Звезда. 1991. № 11.
- Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года: Конференц-зал: [Рубрика] // Знамя. 2000. № 11.
- Христианство и русская литература XVIII – XX веков. Библиографический указатель 1800-2000 / Сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева. СПб, 2002.
- Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. М., 1990.
- Andrejev N. Die Legende von zwei Erzsündern. Helsinki, 1924. (FFC № 54).